

Глава десятая.

Еврейское счастье. Дашковка-Шклов-Горки

Возвращаюсь к истории Дашковки, откуда пошла наша фамилия, где жили мой прапрадед и прадед, к ее истории: в городок, местечко, где продолжали жить мои родственники и однофамильцы вплоть до 29 сентября 1941 года, дня массового расстрела дашковских жителей, до прихода туда образцово организованных подразделений дикарей, выродившихся потомков тех, кто составил некогда славу и гордость Германии. Тут можно было бы перечислить множество великих поэтов, композиторов, философов и ученых, составлявших эту славу, но боюсь попасть в ловушку: среди великих немцев то и дело будут встречаться этнические евреи. Начиная с Генриха (Хаима) Гейне, кончая Карлом Марксом и Лионом Фейхтвангером.

Из статьи Александра Литина и Иды Шендерович «**История местечка Дашковка**» (Проект «Голоса еврейских местечек. Могилевская область»):

«В 1918 году в местечке был создан сельсовет, в 1923 г. – совхоз «Дашковский», в 1928 г. 7 еврейских семей организовали колхоз «ОЗЕТ». В 1930 г. был зарегистрирован новый колхоз – «Чырвоны спаборнік», а в 1936 г. – конезавод. По воспоминаниям первого председателя Дашковского сельсовета А.М. Титова и председателя правления артели Г.А. Бабакова, в 1929 г. партийная организация сельсовета уже насчитывала 20 коммунистов. Возглавлял ее уроженец Дашковки Ш.И. Ягудин, а вожаком комсомольцев был И. Гуревич. Артель «Чырвоны спаборнік» была довольно большой. В 1929 г. в нее вступили около 40 семей, а зимой 1930 – еще 60. Организовывались колхозы и в соседних деревнях, в том числе в соседней деревне Лежневка, где председателем был избран Наум Ильич Моисеев.

В деревне Дашковка во время войны было расстреляно 42 еврея. В том числе был убит и коммунист Ягудин, на фронте погиб Наум Моисеев».

На этой же странице Интернета помещены документальные материалы из архива могилевской инициативы «Уроки Холокоста»: список убитых немецкими и финскими карателями жителей Дашковки и воспоминания двух женщин: Евдокии Ильиничны Гляковой (Ярошенко), 1925 года рождения, и Евгении Архиповны, не назвавшей свою фамилию, 1912 года рождения.

Евдокия Ильинична Глякова:

«Я родом с Украины, во время голода начала 30-х годов с родителями переехала в Белоруссию. Живу в Дашковке с 1932 г. До войны на всей центральной улице жили евреи, домов шестьдесят было. Многие работали на конезаводе, и в совхозе.

Моя мать работала на конюшне, дежурила ночью вместе с дедом Шифриным. Он все ей говорил: “Будет война! Всех нас будут убивать. Посмотришь, посмотришь... Если живы будем, наплюешь мне на лоб, если я не так говорю”. А она ему не верила, спорила. У Шифрина дети жили в Ленинграде. Они приезжали к нему, часто посылки присылали. Мы вечером прибегали к маме на работу, и он всегда угощал нас, то конфетами, то виноградом из посылок, специально принесенными для нас.

Под Могилевом долго шли сражения, и мы 18 дней сидели в подвале. Я, старшая, бегала из укрытия кормить, доить корову, кормить поросят. Тогда убило мою сестру, и маму я не выпускала из укрытия. Нас, детей, было пятеро и, если бы что-то с мамой случилось, я бы не справилась.

В один из дней большой карательный отряд окружил деревню. Всех собрали и пригнали на площадь перед церковью. Я лежала больная, но и меня заставили идти. У немцев был список. Вызвали одиннадцать человек, тех, кто был партийным и даже тех стариков, у кого зять был партийным. Евреев поставили отдельно. Нас отпустили домой. Два еврея спрятались на кладбище, но их там немцы нашли и застрелили. У нас было два урядника Фадей и Никонов, был староста-бургомистр Семен.

Привели стрелять на окраину, на высокий склон в рошу. Отдельно поставили евреев, отдельно – коммунистов. Потом прибегали родственники, женщины, чьих мужей расстреляли. По обуви узнавали своих мужей. Раскапывать могилу боялись, ведь у нас немцы все время стояли. У них был тут санаторий.

Расстреляли в двух местах. Так теперь два памятника и стоят. За ними ухаживают школьники.

Моя ровесница, 16-летняя Хана Иоффе тогда убежала и переплыла Днепр. Войну она пережила в деревне Слободка. Она была светловолосой, не похожа на еврейку. Говорила, что из детдома, и никто ее не выдал. После войны она жила в Минске.

После войны вернулись Арончики, но и они вскоре уехали в Могилев».

Евгения Архиповна:

«Фамилий евреев я не помню, только имена: Ботка, Маня, Лейба, Малка, Пэйся. Они торговали, пекли булки, делали конфеты, шили, привозили рыбу. Я рабо-

тала нянькой в семьях, год в одной семье, потом в другой. Язык их я не понимала. Приходила помогать печь мацу. Ее потом толкли в ступках и готовили что-нибудь из этой муки. Помню поговорку нашей соседки Пэйси: “Маца, маца, иди сюда. Хлебец, хлебец, иди под печь”. Когда Пасха кончалась, мацу отдавали нам, и она говорила: “Маца, маца, иди куда хоча, хлебец, хлебец, иди на столец”. Свинину и сала они не ели. Если ее угощали хлебом, она просила, перед тем как отрезать хлеб, нож помыть.

Были евреи среди начальников на конезаводе. Рядом с нами была их школа-синагога. Года за три до войны наш дом и синагога, и еще несколько домов рядом сгорело. Дочка кузнеца Мотки Малка заболела. Они поставили самовар, куда-то попала искра и хата загорелась. С этой хатой сгорело и семь дворов.

Построили маленькую хатку, в которой во время войны жили три семьи с детьми. Старших всех выгнали на работу.

Сестра моя с пяти лет не ходила. Однажды пришел немец-врач с переводчиком за продуктами. А брать у нас было нечего. Старшая сестра сломала ногу, когда лес валить отправили, младшая лежала. Немец приказал нагреть таз горячей воды, посадил туда девочку. Потом натер каким-то лекарством из бутылки. Так сделал четыре ванны, потом поставил на ноги и заставил идти под дулом пистолета. Потом, через неделю (фронт двигался), и немец пред-

ложил маме отдать меня его адъютанту, но мама, конечно, не отдала. Мы видели, как эти люди выгоняли и убивали, как расстреливали.

Семьи полицейских немцы вывезли. Женщины, дети потом вернулись, а мужчины – нет. Кто и где их убил, не знаем.

Большинство из карательного отряда были финнами».

В списке расстрелянных, повешенных, замученных фашистами в Дашковке – 58 человек, большинство из них евреи. В том числе – 8 с фамилией Иоффе. А поскольку все Иоффе – родня, назову их дальними родственниками...

Читатель, конечно, заметил, что слово «фашистами» в предыдущем абзаце я выделил курсивом. Хотя раньше, говоря об оккупантах, чаще всего использовал слово «немцы». Но вот появились в дашковских воспоминаниях каратели-финны, а еще раньше, в кубанских – румыны. Кто там еще был призван немцами на борьбу с Советами? Венгры, итальянцы, австрийцы... Пол-Европы было собрано в огромную армию, чтобы уничтожить советские города и деревни, заводы и фабрики, а самое страшное – миллионы людей. Конечно, и среди оккупантов были порядочные, если можно так выразиться, люди.

ПОИМЕННОЙ СПИСОК
расстрелянных, повешенных, замученных гитлеровцами в Дашковке

№	Фамилия, имя и отчество	Дата рождения	Дата смерти	Место захоронения
1	Ботка, Анна	1898	1941	Дашковка
2	Ботка, Мария	1900	1941	Дашковка
3	Ботка, Пётр	1902	1941	Дашковка
4	Ботка, Степан	1904	1941	Дашковка
5	Ботка, Фёдор	1906	1941	Дашковка
6	Ботка, Хана	1908	1941	Дашковка
7	Ботка, Яков	1910	1941	Дашковка
8	Ботка, Зина	1912	1941	Дашковка
9	Ботка, Лейба	1914	1941	Дашковка
10	Ботка, Маня	1916	1941	Дашковка
11	Ботка, Пэйся	1918	1941	Дашковка
12	Ботка, Малка	1920	1941	Дашковка
13	Ботка, Ягудин	1922	1941	Дашковка
14	Ботка, Наум	1924	1941	Дашковка
15	Ботка, Моисей	1926	1941	Дашковка
16	Ботка, Саша	1928	1941	Дашковка
17	Ботка, Тина	1930	1941	Дашковка
18	Ботка, Уляна	1932	1941	Дашковка
19	Ботка, Фрося	1934	1941	Дашковка
20	Ботка, Хася	1936	1941	Дашковка
21	Ботка, Ципора	1938	1941	Дашковка
22	Ботка, Яна	1940	1941	Дашковка
23	Ботка, Зина	1942	1941	Дашковка
24	Ботка, Лейба	1944	1941	Дашковка
25	Ботка, Маня	1946	1941	Дашковка
26	Ботка, Пэйся	1948	1941	Дашковка
27	Ботка, Малка	1950	1941	Дашковка
28	Ботка, Ягудин	1952	1941	Дашковка
29	Ботка, Наум	1954	1941	Дашковка
30	Ботка, Моисей	1956	1941	Дашковка
31	Ботка, Саша	1958	1941	Дашковка
32	Ботка, Тина	1960	1941	Дашковка
33	Ботка, Уляна	1962	1941	Дашковка
34	Ботка, Фрося	1964	1941	Дашковка
35	Ботка, Хася	1966	1941	Дашковка
36	Ботка, Ципора	1968	1941	Дашковка
37	Ботка, Яна	1970	1941	Дашковка
38	Ботка, Зина	1972	1941	Дашковка
39	Ботка, Лейба	1974	1941	Дашковка
40	Ботка, Маня	1976	1941	Дашковка
41	Ботка, Пэйся	1978	1941	Дашковка
42	Ботка, Малка	1980	1941	Дашковка
43	Ботка, Ягудин	1982	1941	Дашковка
44	Ботка, Наум	1984	1941	Дашковка
45	Ботка, Моисей	1986	1941	Дашковка
46	Ботка, Саша	1988	1941	Дашковка
47	Ботка, Тина	1990	1941	Дашковка
48	Ботка, Уляна	1992	1941	Дашковка
49	Ботка, Фрося	1994	1941	Дашковка
50	Ботка, Хася	1996	1941	Дашковка
51	Ботка, Ципора	1998	1941	Дашковка
52	Ботка, Яна	2000	1941	Дашковка
53	Ботка, Зина	2002	1941	Дашковка
54	Ботка, Лейба	2004	1941	Дашковка
55	Ботка, Маня	2006	1941	Дашковка
56	Ботка, Пэйся	2008	1941	Дашковка
57	Ботка, Малка	2010	1941	Дашковка
58	Ботка, Ягудин	2012	1941	Дашковка

ПОИМЕННОЙ СПИСОК
расстрелянных, повешенных, замученных гитлеровцами в Дашковке

№	Фамилия, имя и отчество	Дата рождения	Дата смерти	Место захоронения
59	Ботка, Наум	1914	1941	Дашковка
60	Ботка, Моисей	1916	1941	Дашковка
61	Ботка, Саша	1918	1941	Дашковка
62	Ботка, Тина	1920	1941	Дашковка
63	Ботка, Уляна	1922	1941	Дашковка
64	Ботка, Фрося	1924	1941	Дашковка
65	Ботка, Хася	1926	1941	Дашковка
66	Ботка, Ципора	1928	1941	Дашковка
67	Ботка, Яна	1930	1941	Дашковка
68	Ботка, Зина	1932	1941	Дашковка
69	Ботка, Лейба	1934	1941	Дашковка
70	Ботка, Маня	1936	1941	Дашковка
71	Ботка, Пэйся	1938	1941	Дашковка
72	Ботка, Малка	1940	1941	Дашковка
73	Ботка, Ягудин	1942	1941	Дашковка
74	Ботка, Наум	1944	1941	Дашковка
75	Ботка, Моисей	1946	1941	Дашковка
76	Ботка, Саша	1948	1941	Дашковка
77	Ботка, Тина	1950	1941	Дашковка
78	Ботка, Уляна	1952	1941	Дашковка
79	Ботка, Фрося	1954	1941	Дашковка
80	Ботка, Хася	1956	1941	Дашковка
81	Ботка, Ципора	1958	1941	Дашковка
82	Ботка, Яна	1960	1941	Дашковка
83	Ботка, Зина	1962	1941	Дашковка
84	Ботка, Лейба	1964	1941	Дашковка
85	Ботка, Маня	1966	1941	Дашковка
86	Ботка, Пэйся	1968	1941	Дашковка
87	Ботка, Малка	1970	1941	Дашковка
88	Ботка, Ягудин	1972	1941	Дашковка
89	Ботка, Наум	1974	1941	Дашковка
90	Ботка, Моисей	1976	1941	Дашковка
91	Ботка, Саша	1978	1941	Дашковка
92	Ботка, Тина	1980	1941	Дашковка
93	Ботка, Уляна	1982	1941	Дашковка
94	Ботка, Фрося	1984	1941	Дашковка
95	Ботка, Хася	1986	1941	Дашковка
96	Ботка, Ципора	1988	1941	Дашковка
97	Ботка, Яна	1990	1941	Дашковка
98	Ботка, Зина	1992	1941	Дашковка
99	Ботка, Лейба	1994	1941	Дашковка
100	Ботка, Маня	1996	1941	Дашковка

Встречались. Как встречались мародеры среди советских солдат в 1945-м, в Германии. Но и тут, и там преобладало подавляющее большинство. И что бы там ни голосили сегодня наши человеколюбивые гуманисты-либералы, эхом подпевающие националистам в Прибалтике, на Украине и в прочих «порабощенных» некогда Советским Союзом странах, но массовый гуманизм в отношении народов просвещенной Европы проявила Красная Армия, в отличие от «просвещенной» армии нацистской Германии – сборища варваров, убийц и садистов.

Выскажу крамольную мысль, просто преступную по меркам сегодняшней демократической и толерантной Европы (Бельгии и Польши в том числе), да и вообще – приличного общества: а может быть, не только в нацизме дело? Может, стоит заглянуть поглубже? Никогда бы я не пошел на это «преступление», если бы не наткнулся на забытую всеми, по-моему, даже историками, статейку анархиста Кропоткина.

memoria

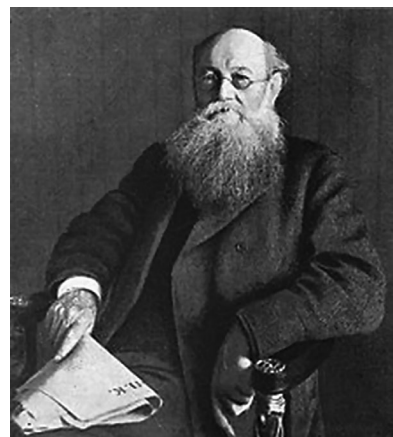
П. Кропоткин Последствия германского вторжения

(в сокращении)

Чего следует ожидать от немецких армий, если они дойдут до Петрограда, совершенно ясно из того, что они делали в Бельгии и Польше.

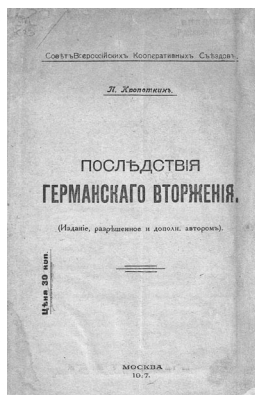
...Завоевая русские области, они будут делать в них для предотвращения попытки народного восстания совершенно то же, что делали в Бельгии. Со вре-

мени войны 1870—1871 года германские армии боятся всенародного восстания хуже чумы; а потому, занимая города и деревни, они строго прикажут офицерам, как это было сделано в Бельгии, при первом же выстреле, раздавшемся из народа, при первом крике: «Man hat geschossen!» («В нас стреляли!») расстреливать мужчин, пачками человек по ста, а женщин – заставлять рыть на улицах могилы и закапывать в них жертвы панического страха, охватывающего немецкие войска при одном намеке на народное восстание.

Князь Петр Алексеевич Кропоткин, революционер-анархист. 1917 год

Так делали они с первых же дней войны в Малине, Эршоте и т. д., в Бельгии, и так будут они поступать в русских городах, строго исполняя правила, изложенные в наказах и руководствах их генерального штаба.

Затем, следуя той же политике, какой они следовали в Бельгии, немцы будут выбирать из рабочего населения наиболее крепких и здоровых и отправлять их в рабство в те области, которые они решат оставить за собою, – Лифляндию, Курляндию, Литву, – или в Пруссию. Там их заставят работать на войну, против своих же русских братьев. Десятки тысяч человек, старых и молодых, юношей и девушек, были увезены таким образом из Бельгии в подлинное рабство в Германию, точь-в-точь как делали римляне, покоряя галлов. Ничто не мешает немцам поступать так же с русскими; причем не мешает также помнить, что немцы всегда делали различие между областями, которые они надеялись удержать за собою, и теми, из которых они были вынуждены отступить. С этими последними они обращались просто зверски.

Затем немецкие армии, кормясь за счет завоеванных областей, будут посылать отряды войск, отбирать по деревням все съестные припасы и попросту грабить население.

Из отчетов целого ряда международных комиссий известно, как немцы вот уже три года грабят Бельгию. Я говорю не о том, что какой-нибудь генерал или «комендант» грабил частные дома, – это встречается во всех войнах: я говорю о формальном, сверху утвержденном и узаконенном рейхстагом грабеже целой страны. Стоит только вспомнить, какие шальные миллионные контрибуции взыскивали германские армии с бельгийских городов, и какие взыскания натурой, – в десятки тысяч бутылок вина и сотни тысяч папирос, – они налагали на небольшие города, – все это вопреки постановлениям международного права и конвенциям, подписанным всего за несколько лет до войны представителями самой Германии на международных конференциях.

Москва, 12 ноября 1917 г.

memoria

Разумеется, не мне одному приходят в голову такие мысли. Ученые мужи, каждый с точки зрения своей науки, историки, философы, психоаналитики и пр., многие годы ломают головы над тем, как с позиций гуманизма объяснить такие явления, как садизм в государственном масштабе, как обращение в рабство целых народов и государств, причем, не в давно прошедшие античные времена, а в последние, постренессансные века. Далеко ходить не надо, главный пример у всех на виду, вместе со своей пресловутой статуей «Свободы». Вся мощь «самой свободной страны в мире» построена на несвободе, хуже того – на рабстве: на крови африканских негров и американских индейцев.

Если говорить о Германии, тут свои проблемы. Есть, например, такая теория, что у немцев со времен развала (и разгрома Наполеоном) Священной Римской империи германской нации образовался комплекс государственной неполноценности, с рецидивом возрождения великой нации, отсюда эта воинственность, иллюзии об исключительности сверхчеловеков и превосходстве арийской расы над всеми прочими, и прежде всего над неполноценной семитской расой.

Тот же комплекс, кстати, образовался в свое время и у евреев – после рассеяния богоизбранной нации по свету. Разница в том, что евреи всегда

носили свои комплексы в себе, не навязывая их другим народам и государствам насильственным путем. Нетрудно найти и другие примеры подобных комплексов, например, у тех больших и малых народов (восточноевропейских, прибалтийских и многих других), у которых своей государственности никогда не было, и теперь рецидивы этого комплекса дают на этих огосударственных территориях весьма причудливые результаты.

Наверное, историки, философы и даже летописцы, исследуя трагедии вселенского масштаба и пытаясь найти истину, должны оставаться беспристрастными, не позволяя себе в процессе исследований давать волю личным эмоциям. Но как без эмоций, без сострадания рассказать о разрушении мира близких тебе людей, твоей семьи? А они – часть, ячейка того общества, той страны, в которой ты живешь и которой поневоле сострадаешь с той же печальной страстью. Попытки держать себя в узде, оставаться объективным и хладнокровным ни к чему не приводят. Это в крови, в сердце – генетическая ненависть нескольких поколений советских людей к нацизму, к фашистской Германии. Тысячи расстрелянных и замученных нацистами в кубанских станицах, список убитых в Дашковке. А впереди – рассказ о Горках, городке, где долгие годы жила семья Исаака-Арона – старшего брата моего деда Бориса. Там в один день, 7 октября 1941 года, фашистами было уничтожено все еврейское гетто – 2500 человек. В их числе – жена и двое детей дяди Исаака...

Если вы откроете в Интернете альманах «Еврейская Старина», № 1 (76) за 2013 год, то найдете там очерк **Владимира Лившица «Шло в бессмертье горькое гетто...»**, где подробно описано все, что творилось в Горках в годы войны, со свидетельствами оставшихся в живых очевидцев. Та же охота на людей с шестиконечными звездами на одежде, те же грабежи, те же массовые расстрелы над бездной будущих братских могил.

Фрагменты из этого очерка:

...Днём 12 июля 1941 года гитлеровцы захватили город Горки. Они сразу же установили режим кровавого террора, грабежа и насилия над гражданами. Еще недавно шумный и жизнерадостный студенческий город Горки был превращён в город смерти и страданий. Первым делом фашисты разграбили лабораторию и библиотеку Белорусского сельскохозяйственного института. В бывших учебных корпусах разместилось гестапо и жандармерия, другие воинские учреждения.

Символом нового порядка стали четыре виселицы, сооруженные в сквере у бывшего административного корпуса. Оккупанты сгоняли сюда горожан, чтобы запугать их страшным зрелищем казни патриотов. На окраине города, в саду учебно-опытного хозяйства сельскохозяйственного института, были вырыты рвы, ставшие братскими могилами тысяч советских граждан. Здесь фашисты совершили чудовищное зверство, расстреляли 150 детей из детского дома.

Известно, что ещё до начала Второй мировой войны фашисты разработали план захвата «жизненного пространства» для немцев. Русские, бело-

русы, цыгане, евреи... Эти народы должны быть уничтожены полностью или частично. Как известно, начали с еврейского народа...

...Наступило 7 октября 1941 года. Трагический день в истории Горок. Ещё 6 октября фашисты отобрали шестнадцать мужчин, и повели их в район деревни Задорожья (он называется ещё Белый ручей), где сохранились две силосные ямы, и приказали их раскопать и расширить.

Ранним утром полицейские и немецкие солдаты выгнали евреев из домов. Их избивали прикладами винтовок и нагайками и вели к бывшему клубу сельскохозяйственного института, а тех, кто не мог идти, загоняли в автомашины и везли в урочище Белый ручей. С евреев сначала снимали одежду и обувь, а затем группами по 100 человек убивали из пулемётов и автоматов.

По воспоминаниям свидетельницы Валентины Сорокиной: «Был очень ветреный день. Однако, несмотря на это меня послали к родным в деревню Задорожье. По дороге догнали полицейские на лошади и потребовали, чтобы я не подходила к яме, которую копали мужчины. Через некоторое время мы услышали, как стреляли из пулемётов и автоматов. Из деревни было видно, как к ямам подводят раздетых людей и расстреливают их. К вечеру некоторые из жителей деревни подходили к могилам. Земля ещё шевелилась, слышались стоны раненых. Могилы охраняли полицейские и не разрешали подходить близко».

У Анны Смольницкой во время расстрела погибли мать, сестра и родные. В 1946 году она приехала в Горки и нашла свидетельницу тех событий, которая ей рассказала: «С утра 7 октября по городу ходили нацисты и полицейские, которые собирали евреев. Им было приказано собраться в районе бывшего клуба института, взяв ценные вещи. Было собрано более 2500 человек, которых группами по 100 человек подводили к ямам, приказывали раздеться, а затем ставили на край ямы и стреляли из пулемётов, а если кто-то оставался живым, их добивали из автоматов. А в это время все остальные стояли и ждали своей очереди. Многие женщины стали седыми, плакали, кричали...».

Были в Горках смешанные семьи. Так, у Н.К. Низовцова, который работал землеустроителем в РАЙЗО, была еврейкой жена Елизавета и две дочери: Вера (6 лет) и Элла (3 года). Во время расстрела фашисты предложили ему покинуть семью, но он отказался, заявив: «Куда моя семья, туда и я».

... Расстреливали фашисты и местные полицейские. Э. Шапиро, участнику Великой Отечественной войны, брату писателя Л. Разгона, когда он приехал в Горки сразу после войны, рассказали свидетели, что среди полицейских, которые участвовали в расстреле, были братья Борис и Глеб Селезневые, отец которых был в Горках врачом.

Он рассказывал Л. Разгону, что его поразило то обстоятельство, что Борис был его близким другом, он пропадал в их семье, дружил с его сестрами, мать кормила, ремонтировала ему одежду. И вот он, именно Борис, выводил и гнал их на расстрел.

«Ну, ты можешь мне объяснить, почему?» – спросил он писателя.

Лев Разгон не мог объяснить, почему за несколько месяцев друзья превратились в заклятых врагов. Нет объяснения этому и у автора этой статьи.

Ясно, что они не были друзьями, а «дружили» с этой еврейской семьёй, потому что это было в каком-то смысле выгодно. А семена антисемитизма не проявлялись до тех пор, пока не создалась благоприятная обстановка.

В целом следует сказать, что значительная часть местного населения Горок и района равнодушно отнеслась к гибели тех, кто веками жил рядом. Нам известно только несколько фактов помощи еврейским семьям в Горецком районе. Хотя многие сочувствовали обречённым, но видимо боялись им помогать, так как хорошо знали, что за помощь евреям фашисты могли расстрелять. И поэтому, автор считает, нет оснований высказывать претензии к рядовым жителям.

Но, автора огорчил рассказ одной пожилой женщины из окрестной деревни. Рассказывая о расстреле еврейского населения, она не высказала никакого сострадания, а только горячо сожалела, что когда происходил расстрел, у неё заболела дочь, и она не могла пойти в Горки и взять что-то из брошенных еврейских домов, которые фашисты, забрав ценные вещи, отдали на грабёж местному населению. Что ж, были и такие люди!

Помните песню Михаила Исаковского (русского) и Матвея Блантера (еврея) со словами «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...», исполнял которую еврей Марк Бернес (Нейман по отцу)? О простом русском, а может быть, белорусском или еврейском солдате, пришедшем после войны не в родной дом, а на мертвое пепелище. Сколько же ненависти должно было накопиться в его душе?! С этой ненавистью он и «пол-Европы прошагал», и в родную деревню вернулся. И сколь беспощаден он был к врагам, столь же милостив и справедлив – к освобожденным от фашистской чумы жителям той же Германии.

Вот почему, продолжая условную рубрику «Два мира – две судьбы», хочу вспомнить здесь газетную публикацию Хацкеля Ароновича Иоффе, сына Исаака-Арона и моего двоюродного дяди, чтобы рядом с описаниями зверств нацистов дать откровение советского солдата, у которого для ненависти было гораздо больше поводов, чем у немецких и прочих фашистов, убивавших тысячами безоружных женщин, детей и стариков, граждан Советского Союза.

Пять мгновений войны

Когда началась война, я был студентом Ленинградского политехнического института и проходил практику на заводе «Электроаппарат». С учебой пришлось расстаться. Окончил артиллерийское училище и с арtpолком тяжелых самоходок прошел с боями от Сталинграда до Берлина. Много видел и много испытал, но расскажу лишь о пяти мгновениях, которые оставили в моей памяти самый глубокий след.

* * *

Я шел в Политех, чтобы взять в канцелярии какую-то справку. На площадке перед зданием института неожиданно увидел пожилых профессоров и преподавателей, которые занимались строевой подготовкой. Ими командовал молодой офицер, перепоясанный ремнями. Мне особенно запомнился замыкавший этот многошеренговый строй профессор Николай Михайлович Беляев, известный автор классического курса сопротивления материалов, которому я сдавал экзамен. Небольшого роста, с непокрытой головой

и в пенсне, он старательно маршировал, стараясь не отстать от остальных, и выглядел как-то особенно трогательно. Оказалось, почти все наши преподаватели записались в Народное ополчение без оглядки на свой возраст и состояние здоровья.

* * *

В составе 2-й Гвардейской танковой армии мне довелось участвовать во взятии Берлина. Как это было – рассказывать не стану: об этом написано много книг. Когда бои закончились, я, как и другие, тоже решил расписаться на рейхстаге. Но каким образом оставить свой автограф, если под рукой нет ни мела, ни угля, ни краски. Вокруг здания рейхстага валялось много каменных обломков. Я подобрал один с острыми краями и с усилием нацарапал камнем по камню: «Иоффе – Ленинград».

* * *

Когда мы танковой колонной двигались на запад по польской земле, жители населенных пунктов встречали нас приветливо. Помню, днем останавливались в одном местечке, и поляки и полячки стали настойчиво приглашать нас в свои дворы и дома, угощать тем, что было. Они даже устроили для нас импровизированный концерт – спели несколько польских народных песен. Потом вышли нас провожать. И когда колонна тронулась, один поляк прокричал нам вслед: «Красиво идете!».

* * *

Территория Германии. Двигаемся заданным маршрутом, готовясь к наступлению. А навстречу нам бредут толпы исхудавших оборванных людей. Это узники фашистских лагерей, вырвавшиеся из плена. Они размахивают самодельными национальными флажками, и мы видим, что это французы, поляки, англичане, норвежцы, итальянцы и наши – русские. Такие разношерстные толпы встречались нам не раз. И все они горячо приветствовали нашу танковую колонну.

* * *

В Германии мы стали невольными свидетелями самоубийства немцев. Заходишь в дом, а там целая семья лежит неподвижно в комнате. Особенно мне запомнилась пожилая пара. Они безжизненно сидели в креслах друг напротив друга. Вот до какой степени сработала геббельсовская пропаганда, представляя нас чудовищами. Бывало, войдешь во двор попросить у хозяев воды, а на зов долго никто не откликается. Но потом из глубины помещения медленно выходят женщина или старик с поднятыми вверх руками. Лица испуганные, но, когда узнают, что от них надо, успокаиваются, а по щекам все равно текут слезы.

Хацкель ИОФФЕ, подполковник-инженер в отставке

«Санкт-Петербургские ведомости»,
№ 153 от 19 августа 2014 г.

В книге о жизни и смерти, которую я пытаюсь написать на основе двух родословных ветвей моей семьи, будет еще немало трагических и противоречивых страниц. Об узаконенных в нацистской Германии зверствах над мир-

ным населением в оккупированных странах, о преднамеренных и узаконенных Уголовным кодексом РСФСР массовых репрессиях собственных граждан. Десятилетиями, прошедшими с тех времен, родственники убитых, историки, политологи, психологи ищут ответ на вопрос: что же двигало организаторами массовых погромов в Европе и СССР, какой цели они пытались достигнуть? Ответов много. Основанных на фактах. Основанных на логических построениях. Основанных на эмоциях, выражаемых в том числе и в художественной форме. Сколько книг написано уже на эту тему, сколько фильмов снято...

При этом позиция нацистского руководства, основанная на откровенном расизме и комплексе неполноценности нации, оказывается гораздо понятнее витиеватой и запутанной «философии» Сталина и его калейдоскопически быстро меняющейся команды, когда врагами народа становятся сегодня те, кто вчера еще был на передовой в борьбе с вредителями и шпионами. Эта «философия» приводила не только к чудовищным по своему размаху репрессиям, но и к таким не поддающимся никакой разумной логике действиям (или бездействиям), как предоставление противнику возможности беспрепятственно уничтожать собственных граждан. Целыми армиями, которые оказались беззащитными перед напором вермахта и попали в плен в первые недели войны. Миллионами брошенных на прифронтовых территориях беззащитных жителей, большую часть которых составляли женщины, дети и старики.

В нас-то – в нас откуда это пренебрежение человеческой жизнью, массами человеческих жизней?..

В этих главах речь идет прежде всего о еврейском населении. А сколько было уничтожено цыган, поляков, чехов, французов, русских, украинцев, белорусов... И евреи, с наибольшими потерями пережившие геноцид в годы Второй мировой войны, – лишь самая видимая, самая трагическая страница в этой истории убийств. Поэтому, может быть, именно Холокост стал символом этой истории, именно его уроки должны зубрить новые и новые поколения в странах, которые называют себя демократическими.

Почему, зная о разбросанных уже по всей Европе концлагерях, зная о трагических событиях в многочисленных гетто в завоеванных немцами странах (достаточно вспомнить Варшавское гетто, численность которого составляла поначалу, в 1939 году, 450 000 человек), советское руководство не предпринимало никаких шагов для эвакуации из прифронтовых районов наиболее уязвимой части населения?

В очерке, который я уже цитировал, Владимир Лившиц пытается ответить на этот вопрос, говоря прежде всего о евреях. Но его главная мысль верна и в отношении любых других групп советского населения, брошенного на произвол судьбы на прифронтовых территориях. «Простых» людей из блокадного Ленинграда начали массово вывозить лишь когда заработала Дорога жизни, когда был в основном исчерпан эвакуационный ресурс промышленных предприятий, учебных заведений, архивов, музеев и театров.

В Варшавском гетто (фотография из Интернета)

Владимир Лившиц:

Почему не было эвакуировано еврейское население города? (Речь идет о Горках, хотя слова эти могут относиться и к Дашковке, и к Шклову, и ко многим другим белорусским, украинским, русским городам, деревням и местечкам. Кстати говоря, и к Ленинграду, хотя это уже немного другая история. Теперь, задним числом, некоторые мыслители-гуманисты рассказывают нам, что население Ленинграда надо было эвакуировать – это 3 миллиона человек, а город оставить на растерзание немцам. Великий советский писатель Виктор Астафьев, тоже записавшийся на старости лет в гуманисты, пришел к выводу, что Ленинград надо было сдать врагу: «Миллион жизней – за город, за коробки?..». Ну, сказал бы такое кто-нибудь из этих миллионов, погибших или выживших. Так нет! Выжившие гордились тем, что отстояли город. Они не были пораженцами, они были героями. – Г.И.) Было несколько причин. Во-первых, центральные советские и партийные органы не разъяснили местным органам, а те еврейскому населению, всю опасность оставаться на оккупированной территории.

До последних дней местные партийные и советские работники горячо убеждали и призывали население «Не паниковать!» и никуда не уезжать.

На наш взгляд, это произошло в связи с тем, что в СССР вообще не существовало детально разработанного плана эвакуации населения на случай вторжения противника на территорию страны, и механизм переброски в тыл производства и людских ресурсов формировался уже в ходе войны. Ведь считалось, что если война начнется, она будет вестись на чужой территории и малой кровью.

Когда началась война, партийные и советские органы заботились лишь об эвакуации предприятий и учреждений, партийных и советских работников и их семей. Гражданское население же в целом, как это показывают факты, было брошено на произвол судьбы. Это касалось всех национальностей и евреев в частности. Но если представителям других национальностей угрозы немедленной смерти не существовало, то евреев фашисты начинали уничтожать сразу после оккупации.

Вместе с тем известно, что в первые дни войны такие высокопоставленные партийные чиновники, как первый секретарь ЦК КПБ П. Пономаренко в записке И. Сталину 12 июля 1941 года писал: «...настроение белорусов исключительно патристическое.... Как вывод, должен подчеркнуть – исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служащего люда городов, ни о чём не думающих, кроме спасения своей шкуры. Это объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах. Их объят животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы – бегство...».

Во-вторых, многие пожилые евреи, особенно те, которые во время Первой мировой войны побывали на оккупированной немцами территории, считали, что их, мирных граждан, не тронут (они вспоминали немцев, которые оккупировали часть Беларуси в 1918 году). К сожалению, они жестоко ошибались. Это были уже не те немцы, а фашисты, которые ставили цель – уничтожение всего еврейского населения. Хотя, как вспоминают свидетели, беженцы, которые приехали в Горки в первые дни войны, рассказывали о том, как фашисты уничтожают евреев.

Ревекка Алеева вспоминала, что «...в 1939 году в Горках жили польские беженцы. Они рассказывали о зверствах фашистов, но все считали, что напуганные люди преувеличивают, что это случилось с кем-то, а Красная Армия сумеет защитить свой народ. Нам бояться нечего...».

Среди Горецких евреев было мнение, как и у многих жителей города, что фашистов остановят на рубеже реки Днепр. Однако, как известно, их не остановили.

Подробный рассказ о Горках и жителях этого городка – впереди. Об оставшихся после войны в живых и о тех убитых оккупантами, кого мы знаем поименно. Семья дяди Исаака жила в Горках до 7 октября 1941 года, до дня, когда всех, кто здесь оставался, расстреляли немцы. Что же касается Дашковки, нашей прародины, то мы уже никогда не узнаем, были или нет нашими родными однофамильцы, расстрелянные 29 сентября 1941 года, а также другие Иоффе, покинувшие местечко еще до войны, в 20–30-е годы. Как, например, родившийся в Дашковке в 1903 году генерал-лейтенант авиации Зелик Аронович Иоффе, прошедший три войны (Испанскую, Финскую и Отечественную), внесший огромный вклад в инженерное обеспечение советской авиации, а в 50-е годы руководивший научным центром, где разрабатывались первые вычислительные машины для самолетов.

Из самых близких в Дашковке давно уже не было никого. Прадед Хацкель с семьей переехал в Шклов еще сорок лет назад, где-то между 1901-м, когда в

Дашковке родилась дочь Софья, и 1904 годом, когда в Шклове появилась на свет Хая-Ита – Анна. Для меня – тетя Соня и тетя Аня. В жизни они были очень дружны. Они обязательно приезжали к нам на Марата с подарками в мой день рождения, всегда вдвоем. И так же обязательно приезжала бабушка Циля, которая вместе с подарками привозила большой торт из «Норда». За таким в выходной день нужно было еще и в очереди постоять. Торт от «Норда» – это вам не тортик из булочной. И даже не торт из «Метрополя». Никакой рекламы, только белые медведи на простой, лаконично оформленной фирменной коробке. Лучше «Норда» в Ленинграде кондитерской нет. А раз в Ленинграде, значит, и в стране. Тогда это было шикарное кафе с магазином на первом этаже и двумя залами на втором. В 1951 году, в разгар борьбы с космополитизмом, «Норд» переименовали в «Север», но ленинградцы продолжали называть его «Нордом». Нынче, если скажешь молодому человеку «Норд», он обязательно переспросит: а это где? Приходится переводить. Правда, и про «Север», кафе, уцелевшее с прежних времен на первом этаже дома 44 по Невскому, знают далеко не все «петербуржцы». Дети, живущие в «спальных» районах, где есть теперь все «блага цивилизации» – в Купчино, например, в Озерках или на Юго-Западе, годами не бывают в «городе», не знают его центра, его архитектуры, музеев и театров...

Однако – вот что значит старческая ностальгия: в глазу слеза, а пальцы уже сами по себе бегут по клавишам. Несколько ударов, и ты уже не в Белоруссии, а в Питере, за столиком кафе... Беру себя в руки и возвращаюсь на родину предков.

Теперь – в Шклов, местечко, где родился мой отец. Какие мотивы побудили прадеда с семьей к переезду в находящийся в 60 километров на север от Дашковки Шклов? Решили перебраться поближе к отцу Гени – Янкелю Гиндину? Или оскудели леса вокруг Дашковки? А может быть, Лев Певзнер закрыл свою лесопилку? Кто знает? Одно ясно: профессии своей – брокера леса – Хацкель Беркович не изменял до самой смерти. Можно сказать, и погиб на посту.

В Шклове семья прожила несколько лет, если, опять же, исчислять по датам рождения детей – максимум десять. Здесь в 1904-м родилась Анна, а в 1906-м – Бендет. Самый же младший, Михаил, появился на свет в Горках в 1912-м, когда его матери было 44 года.

Город Шклов занимает особое место в истории российского еврейства, в том числе в юридиче-

Синагога в Шклове (фото начала XX века). Дата строительства синагоги сильно отличается в различных источниках. Одни называют 2-ю половину XVII века, другие – 1790 год

ском закреплении за евреями «права» на черту оседлости, которая, впрочем, существовала и раньше: купцам и мещанам, независимо от национальности, запрещалось менять места жительства. Но акценты возникли, когда евреи начали бороться за свои права. Одним из первых таких борцов был богатый купец Нота Хаимович Ноткин (Шкловер).

В конце 1780-х годов Ноткин и ряд других шкловских евреев переехали в Москву и открыли там свою торговлю. И скоро преуспели: дело вести они умели. В результате восстали местные купцы: с одной стороны, евреи обходили их в делах, с другой – кроме жадности, душила и зависть, которая всегда была одной из главных черт русского характера. Жалобы достигли вершин государственной власти и стали поводом к установлению в 1791 году черты оседлости и запрету на постоянное проживание евреев в Москве.

Добрались шкловские евреи и до Санкт-Петербурга. Здесь они – тот же Ноткин, а также И. Цейтлин, А. Перетц и И.Л. Невахович стали основателями еврейской общины. Кроме того, пятеро из десяти учредителей (говоря современным языком) первого еврейского кладбища в Петербурге были из Шклова, оттуда же – и 17 похороненных на кладбище с 1802 по 1822 год.

memoria

Шклов

Шклов – город в Могилевской области Республики Беларусь. Расположен на Днепре в 35 км севернее Могилева.

Название города связано с местной легендой: однажды на берегу реки богатый купец случайно рассыпал драгоценные камни, которые засверкали в лучах солнца как стекло (по-белорусски – шкло).

Первые упоминания о Шклове, возникшем на месте двух деревень на правой стороне Днепра (Старый Шклов и Хотимка), относятся к 1520 году. В 1535 году он был сожжен войсками князя Василия Шуйского. С 1568 года стал центром так называемого Шкловского графства. В 1762 году Шклов получил статус города. В 1763 году здесь было образовано русское торговое консульство, а в 1772 году Шклов был включен в состав Российской империи в качестве уездного города.

Евреи появились в Шклове не раньше XVII века, возможно, после русско-польской войны (1654–67 гг.). Первая привилегия была дана евреям Шклова его владельцами, польскими магнатами Синявскими и Чарторыйскими, в 1668 г. Георг Корб, секретарь австрийского посольства при дворе Петра I, в записке, относящейся к 1699 г., отмечал, что шкловские евреи составляли в «городе богатейшее и влиятельнейшее сословие».

Еврейская община Шклова быстро развивалась, в основном за счет торговли с Москвой и Ригой. На рыночной площади евреям вначале принадлежала треть лавок,

а затем около половины. О зажиточности шкловских евреев свидетельствуют такие цифры: в 1727 году евреи, составляя около 20 процентов городского населения, платили около 60 процентов от общей суммы городских налогов.

В 1897 году в Шклове проживали 5122 еврея (78 процентов от всего населения). После Октябрьской революции еврейское население города уменьшилось, в основном, из-за оттока молодежи в крупные города. В 1926 г. в Шклове проживало 3119 евреев (37,6 процента населения), в 1939 году остались 2132.

Большинство шкловских евреев вместе с евреями из других ближних местечек – около 3000 человек – были расстреляны нацистами в сентябре 1941 года.

Сегодня Шклов – один из красивейших и благоустроенных городов республики, в котором проживает 16000 человек. Город украшают многие архитектурные памятники, среди которых выделяется Шкловская ратуша, построенная в комплексе с торговыми рядами во второй половине XVIII века в стиле классицизма.

Шклов, ратуша

memoria

Оккупация Шклова фашистами, продлившаяся почти три года, – особая, самая трагическая страница в многовековой истории города.

Из статьи «Шкловское гетто», размещенной в Википедии:

«В соответствии с переписью населения 1939 года в Шклове проживало 2132 еврея, составлявших 26,7% от общего числа жителей. Нападение Германии на Советский Союз вынудило часть евреев эвакуироваться вглубь страны, и часть евреев-мужчин была призвана в ряды Красной Армии. Точное число евреев, оставшихся в Шклове, не установлено. Эвакуацию власти объявили за день-два до оккупации города, до этого эвакуироваться не разрешалось, а попытки выезда расценивались, как распространение паники.

Памятник шкловским евреям, убитым фашистами.

11–12 июля 1941 года город был оккупирован 46-м моторизованным корпусом 2-й танковой группы Гудериана, и оккупация продлилась до 27 июня 1944 года.

Сразу же после оккупации Шклова гитлеровцы обязали еврейское население носить на одежде шестигранные нашивки желтого цвета.

Предположительно в конце июля 1941 года нацисты загнали евреев из Шклова и деревень Заречье, Рыжковичи, расположенных в южном пригороде, в два гетто. Первое размещалось на лугу у православной церкви в Рыжковичах. Узники сидели на земле, там же и спали. Гетто охранялось полицией, но было так называемого “открытого типа” – евреи могли выходить из гетто, обменивая вещи на продукты питания.

Примерно в августе 1941 года часть узников перегнали во второе гетто, но уже “закрытого” типа, находившееся в Шклове на улице Льнозаводской.

Гитлеровцы, используя нацистскую пропаганду, призванную посеять межнациональную рознь, с первых дней оккупации распространяли листовки следующего содержания: “Власть жидовско-большевистских комиссаров в России кончилась”, “Самый большой враг народа – жид”. Впоследствии некто Лошаков издавал в Шклове газету, где публиковались антисемитские статьи.

Существовавшее до войны еврейское кладбище в деревне Рыжковичи (южный пригород Шклова) за период оккупации было полностью уничтожено. Могилы сравняли с землей, а камни местные жители растащили на постройки.

Обитателей гетто вынудили жить в ужасной тесноте. В гетто на улице Льнозаводской в каждом доме находилось по 100–150 человек. Узникам запрещалось выходить из помещений после 18.00. Евреев систематически избивали. По воспоминаниям очевидца: “Я вспоминаю, как хоронили жену шкловского раввина. Ее разрешили похоронить на кладбище, даже дали лошадь. Я вынес её рваный ватник на улицу и ужаснулся – на нем кишки виш. Моя мама тихо сказала: Сыночек, её съели виш”.

Оккупанты, пользуясь полной безнаказанностью, грабили обитателей гетто, отбирая всё более-менее ценное. Нацисты подвергали евреев истязаниям, не останавливаясь перед убийствами. Так, семью Таруч сбросили в колодец, а одного еврея, после того как выбили золотые зубы, застрелили.

Первая “акция” (таким эвфемизмом гитлеровцы называли организованные ими массовые убийства) была проведена в Шклове в начале августа 1941 года, когда подразделение айнзатцгруппы “В” уничтожило 84 еврея, которых обвинили в “поджоге и грабеже”. Вероятно, речь идет о ликвидации людей, способных организовать сопротивление или стать его активными участниками. Эта же причина объясняет, очевидно, и расстрел в октябре 1941 года 627 евреев, которым инкриминировали участие в актах саботажа.

В октябре 1941 года узников гетто в Рыжковичах немцы перевезли лодками на противоположный берег реки Днепр в деревню Заречье. В центре деревни евреев усадили на землю и обыскали, отбирая все ценное, после чего построили в колонну и под конвоем немецких солдат и белорусских полицейских погнали к деревне Путник. Евреев убивали в противотанковом рву. В акте Чрезвычайной Государственной комиссии от 18 декабря 1944 года указано, что на территории Городецкого сельсовета у деревни Путники расстреляны и живыми зарыты в землю 2700 человек, но ничего не сказано о национальной принадлежности погибших.

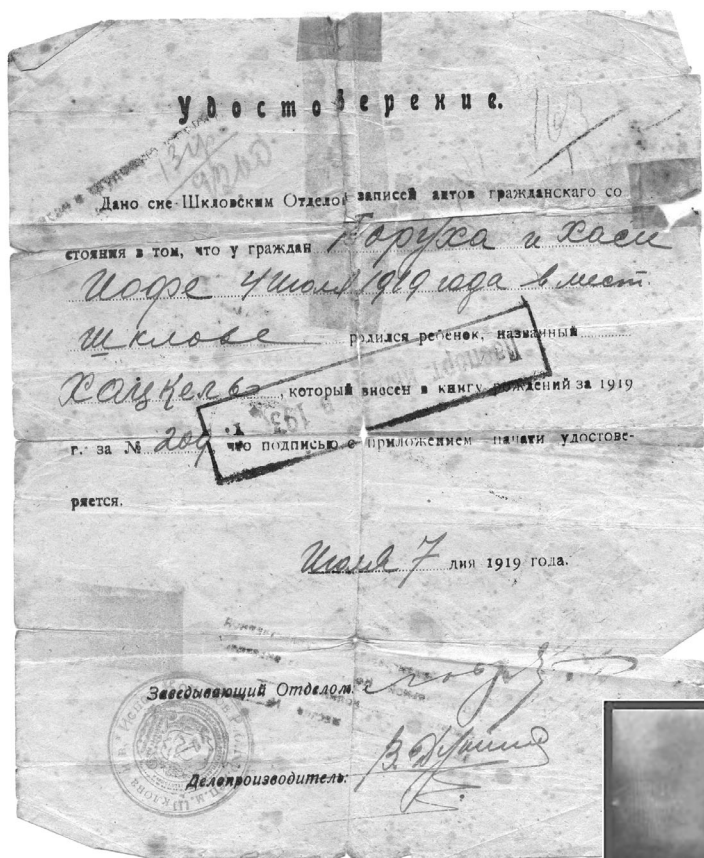
Обитателей второго гетто, находившегося в Шклове, оккупанты на машинах вывозили к ямам у деревень Заречье и Рыжковичи. Затем раздевали

до нижнего белья, укладывали на землю и убивали. Многих предварительно избивали, а детей бросали в яму живыми. Число жертв составляет приблизительно 3200 человек».

Жил ли еще кто-то из Иоффе, Гиндиных или Шмелькиных (родственников бабушки Хаси) в Шклове в 1941 году – не известно. Последние упоминания о Шклове в семейных документах относятся к 1919 году: это «Удостоверение» о рождении моего папы и фотография празднично приодетого 21-летнего деда Бориса.

Когда я впервые увидел фотографию молодого франтоватого деда, мне показалось довольно странным, что сделана она в 1919 году, когда, как известно, вся страна была в огне Гражданской войны. Что же происходило

Свидетельство о рождении моего папы – Иоффе Аркадия Борисовича. Таковы превратности «перевода» еврейских имен на русские в советские годы. И Удостоверение это «сработало», когда мы подхоронивали папу в могилу его матери Хаси на Еврейском кладбище и надо было доказывать родство сына и матери

в Шклове папы) поляками был занят Молодечно, 9 августа – Минск. Могилев же в это время оставался в составе России. После Рижского мира, заключенного 18 марта 1921 года, Восточные области Белоруссии – с Могилевом, Гомелем и Витебском остались в составе РСФСР. Белорусская ССР включала лишь несколько уездов Минской губернии. А Западная Белоруссия отошла в состав Второй Речи Посполитой.

на землях Белоруссии, в том числе и в районе Могилева?

В декабре 1918-го поляки, предводимые Юзефом Пилсудским, решив с помощью Антанты восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года, начинают войну против Советской России. К середине 19-го года они завоевывают часть Белоруссия: 4 июля (в день рождения

Фотография 1919 года

Борух (Борис) Иоффе. Шклов, 1919 год

Постепенно налаживалась мирная жизнь, началось возрождение промышленности.

Вот хроника тех лет, в которой речь идет о Могилеве. Но и в соседнем Шклове, соответственно, шли те же процессы.

В начале 1919 года в Могилеве действовали чугунолитейный, маслобойный, пивоваренный и два мыловаренных завода, лесопилки, кожевенные предприятия, табачная и гильзовая фабрики, городская типография, электростанция. В 1920 после капитального ремонта вступили в строй кирпичный завод, колбасная фабрика, ремонтировались старые и новые мосты, шоссейные и железные дороги.

В июне 1919-го в Могилев с агитпоездом «Октябрьская революция» прибыл председатель ВЦИК М.И. Калинин, который несколько раз выступал перед трудящимися города и красноармейцами. Налаживалась культурная жизнь. В 1919-м открыт губернский музей, создана сеть театральных кружков. В 1920 году в Могилеве было пять рабочих клубов, Народный дом, Дом крестьянина, семь библиотек.

Тем не менее, дед с женой и маленьким ребенком на руках уехал в Петроград.

Я всегда представлял себе эту ситуацию таким образом: дед женился, родил сына и поехал в большой город искать счастья. Правда, счастье найти в голодном и холодном Петербурге 1920–21-го годов можно было разве что «днем с огнем». Голодал даже Александр Блок, на заводах по пайкам давали по полфунта хлеба. И почему бы ему не остаться до поры в более или менее благополучном Шклове?

Когда же я впервые заглянул в родословную Иоффе, удивился еще сильнее. Там написано: с 1910 года жил в Санкт-Петербурге. Как так? Спрашиваю у Яны: может быть, это ошибка? Яна проверяет и отвечает из Германии по электронной почте: не знаю, у мамы написано так. Значит, либо Беба ошиблась, что вряд ли, либо знала больше меня.

Пока искал в Интернете шкловских Шмелькиных (никого не нашел), вспомнил, что в папином семейном альбоме есть фотографии Хаси с подписями Борису. Нахожу первую:

«На память славному другу Борису Отъ Х.Ш. 1916 годъ 20 января».

«Славному другу» только-только исполнилось 17 лет.

Выходит, они были знакомы давным-давно! А может, познакомились в Петрограде? Или все-таки в Шклове?

Вопросы, вопросы, вопросы. Как же мы не любопытны в юности, как равнодушны к близким своим. И на эти, и на многие другие вопросы можно было получить ответы при их жизни. Не только ответы. Они многое могли бы рассказать, и рассказали бы охотно, если бы мы об этом попросили, если бы проявили внимание к их прошлому. Как рассказала бабушка Ксения о своей уральской юности, о Щербиновке, о лагере. Осталось, и как теперь пригодилось. И останется теперь после нас. Внуки, правнуки прочитают...

Хася Шмелькина. 1916 год

ментом» аполитичным, хотя и оставался всю жизнь рабочим. Но не бесштаным пролетарием, а специалистом, способным зарабатывать и достойно содержать семью. При этом на рабочего походил мало: всегда имел солидный, представительный вид. Однажды, как он рассказывал не без иронии, его «под одну гребенку» забрали в кутузку ЧК – вместе с богатыми евреями, из которых пытались вытрясти деньги и драгоценности. Он просидел, точнее – простоял там, потому что кутузка была набита битком, несколько дней, после чего благополучно выбрался, так ничего и не отдав. Нечего было отдавать. Главное – жив остался.

Вдруг возвращаюсь мысленно в тот же 1919-й год, в Карабаш. Интересно было бы посмотреть на них в то время рядом: на бабушку Ксению и деда Бориса. Но – посмотреть можно, лишь накинув к их молодым годам лет по 50.

У меня нет фотографии бабушки того времени. Могу лишь представить себе «Девушку в красной косынке» Петрова-Водкина. Так бабушка могла приодеться по случаю 1-го мая или другого советского праздника, на комсомольское собрание или для роли в молодежном театре. Но все это могло случиться только после 12 июля 1919 года, когда Карабаш был освобожден от белогвардейцев.

В отличие от бабушки Ксении, какой она была в молодости, дед Борис был всегда «эле-

Серебряная свадьба мамы и папы. В центре юбиляры. Слева бабушка Ксения. Справа дед Борис и бабушка Цилия.

В большие праздники мы, как правило, ездили к деду: на 7 ноября и 1 мая он надевал красный галстук, который, посмеиваясь, называл революционным. Ни в каких организациях, кроме профсоюза, он никогда не состоял, в армии не служил, а в 41-м году его не призвали уже по возрасту. Пытался ли записаться в народное ополчение? Об этом история умалчивает...

Как уже было сказано, 1912 году или немногим раньше семья Хацкеля и Гени перебралась из Дашковки в Горки. 28 января 1919 года Хацкель был убит бандитами под Брянском, где он в это время работал. Профессией отца успел овладеть вернувшийся из армии после Первой мировой войны сын Исаак-Арон.

Семья Исаака прожила в Горках до 1941 года, но к концу 30-х его старшие дети потянулись на учебу в Ленинград, где уже давно жили братья и сестры Исаака – Хаим, Борис, Софья, Анна и Михаил.

Осенью 1941 года Горки постигла та же участь, что и Дашковку, Шклов и все остальные белорусские местечки. Немцами со зверской жестокостью были уничтожены все евреи. Лишь единицам удалось уцелеть или сбежать от фашистских зверей в партизанские отряды.

memoria_____

Горки

Впервые в письменных источниках Горки упоминаются в 1544 г. как село. Первый известный владелец – князь Друцкий-Горский. С 1584 г. принадлежали Сапегам. В XVII в. село стало центром Горы-Горецкого имения, до XIX в. называлось Горы-Горки. Здесь регулярно проводились ярмарки. В 1683 г. насчитывалось 510 домов, было 2 предместья: Казимировская Слобода и Заречье. На трех рынках торговали купцы из белорусских и российских городов.

С 9 июля по 16 августа 1708 года в Горках находился Петр I во время Северной войны России со Швецией.

После 1-го раздела Речи Посполитой в 1772 г. вошли как местечко Оршанской провинции в Российскую империю. В войну 1812 г. в городе погибли более 2 тыс. жителей. В 1829 году имение было конфисковано и перешло в царскую казну. В 1836 г. по указу Сената здесь была основана Горыгорецкая земледельческая школа (открыта в 1840 г.), преобразованная в 1842 г. в высшую сельскохозяйственную школу, а в 1848 г. реорганизованная в Горыгорецкий земледельческий институт.

После (польского) восстания 1863 г. институт был переведен в Петербург (но в Горках осталось земледельческое училище). Одновременно заработали почтовая станция, аптека, метеостанция.

Наполеон Орда. Горки. Земледельческий институт. 1877 год

В 1897 году в Горках проживало 6735 человек, а в 1900 г. здесь насчитывалось 7990 человек, 29 ремесленные мастерские, больницы при учебных заведениях, 6 аптек.

С 1925 г. Горецкий сельскохозяйственный институт преобразован в Белорусскую сельскохозяйственную академию. Здесь преподавал известный писатель М. Горецкий. 17 июля 1924 г. Горки стали центром района. В 1939 г. в городе проживали 22,5 тыс. человек.

В годы Великой Отечественной войны оккупантам оказывало сопротивление Горецкое патриотическое подполье. 7 октября 1941 года нацистами было расстреляно более 2500 узников еврейского гетто.

26 июня 1944 г. город освободили войска 2-го Белорусского фронта.

Из Википедии

memoria_____

Историку и краеведу, создателю Горецкого районного историко-этнографического музея Владимиру Моисеевичу Лившицу, очерк которого уже цитировался выше, удалось установить более 300 имен из тех 2500, что были убиты немцами в Горках. В их числе:

ИОФФЕ Рахиль Ионовна, 1898 г. р., домохозяйка.

ИОФФЕ Фаина Исааковна, 1925 г. р., школьница.

ИОФФЕ Евгений Исаакович, 1940 г. р.

ИОФФЕ Берта Абрамовна, 1924 г. р., школьница.

ИОФФЕ Фрида Абрамовна, 1897 г. р., домохозяйка.

ИОФФЕ, расстреляна мать вместе с дочерью.

Рахиль Ионовна – жена дяди Исаака, Фаина и Евгений – их младшие дети. Из родословной:

«**Рахиль Ионовна Любман** родилась 28 ноября 1898 года в г. Горки (Белоруссия).

В 16 лет потеряла мать. Закончила промгимназию. В 1917 году вышла замуж за Исаака (Арона) Иоффе. Имели пятерых детей: Злату, Хацкеля, Бориса, Фаину и Евгения.

Была очень умная и способная женщина. Хорошо пела, владела немецким языком. Рахиль была очень веселая, жизнерадостная, отзывчивая и всеми любимая. Вела все хозяйство, воспитывала детей. Была им не только любящей матерью, но и самым сокровенным другом.

7 октября 1941 года Рахиль, ее дочь Фаина, годовалый сын Евгений, родная сестра Вера и все еврейское население г. Горки были расстреляны фашистами. Похоронена в братской могиле в г. Горки».

В этом же списке – Вера, старшая сестра Рахили:

ЛЮБМАН Вера Ионовна, 1885 г. р., работала фельдшером.

Из воспоминаний племянницы В.И. Любман – Златы Исааковны Блуменау: «Наша тётя получила образование в Саратовском фельдшерском училище и несколько десятков лет работала в районной больнице, помогала на опера-

Сям'я Іофе. Злева направа. Брат Хацкель (1 год), маці Рахіль, бацька Ісак-Арон, сястра Злата (4 гады), Барыс (6 год), дзядуля Іона, сястра маці — Вера. 1924 г.

1924 год. Горки. Семья Исаака-Арона Иоффе (стоит). Слева направо: Рахиль с годовалым Хацкелем на руках, Злата (4 года), Борис (6 лет), Иона Любман (отец Веры и Рахили), Вера Любман

14 августа 1937 года. Горки. Слева направо: Хацкель, Борис, Злата и Фаина с бабушкой Геней

циях главному врачу А.И. Татарской. Это был очень добросовестный, добродушный человек. Не имея своей семьи, очень помогала нашей матери – своей сестре – поднимать пятерых детей. Она была рядом с ней и во время гибели».

Теперь понятно, в честь кого назвали свою старшую дочь Верой дядя Хаца и тетя Ася. А их младшая – Регина уже многие годы хранит архив родителей, их переписку, фотографии и воспоминания о войне и о жизни в Горках, написанные ее отцом. Эти проникновенные до боли в сердце записки Регина опубликовала в Интернете («Огонь войны», сайт Алёны Дружининой). Приведу их полностью:

Хацкель Иоффе Боролись все, кроме расстрелянных

Города наши родные, улицы тихие. Наши детство и юность. Всю жизнь мы мысленно возвращаемся к вам с душевным трепетом, незабываемым ощущением цвета и запаха родной земли...

Моя родина – Горки, районный центр Могилевской области, городок под Оршей, известен своей сельскохозяйственной академией, берущей начало от первой в России земледельческой школы (1840 г.). До войны прямоугольную сетку центральных улиц составляли сплошь частные еврейские дома. Деревянный сруб с крылечком, двор или сад, огражденный заборчиком, за ним другой – похожий, но немножко другой – и так по обе стороны каждой неширокой улицы на протяжении одного-полутора километров. Севернее еврейского района простиралась обширная территория академии с ее фундаментальными строениями, парками, оранжереями, опытными участками, южнее – предместья – Слобода, Заречье и район железнодорожной станции.

...Но что это? Все центральные улицы превратились в сплошной пустырь – ни единого дома, только бурьян, а предместья почти не изменились... Таким увидел я свой город после войны. С трудом, по перекресткам выжженных улиц, отыскал и родной холмик в ряду других холмиков – могилок еврейских домов: здесь был наш дом. (Все, как в той песне, сотканной из горя и слез: «Враги сожгли родную хату...». – Г.И.)

Где же люди? Я разузнал подробности, и к месту вечного покоя более чем двух тысяч евреев города шел, в точности повторяя скорбный путь колонны обреченных.

Это было в холодное пасмурное утро 7 октября 1941 года. Окруженная конвоирами, охваченная ужасом, двигалась эта живая колонна к урочищу Белый Ручей, где в поле, в километре от академического пруда, были заранее вырыты большие ямы: пятьдесят на двадцать метров. (По крайней мере, такова площадь ныне обустроенной братской могилы.) Пулеметы установили в стороне. Расстреливали группу за группой – стариков, детей, мужчин, женщин...

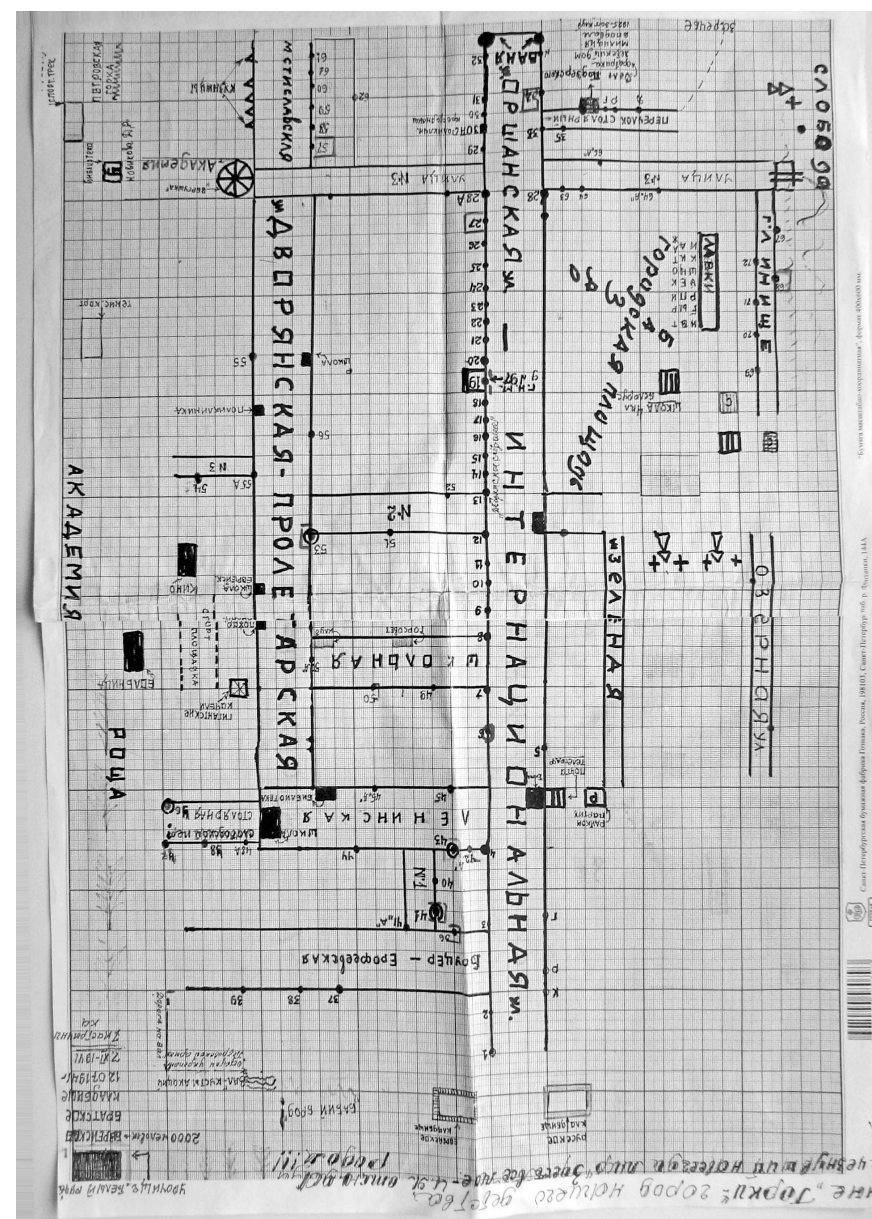

Схема довоенного города Горки сделана в июне 2006 года Фаиной Израилевной Цырлиной, подругой Златы Иоффе. Из приложения к схеме узнаем, что семья Исаака Иоффе жила в доме № 43 по Ленинской улице. Вместе с ними жили Вера Любман и Иона Любман, отец Веры и Рахили.

Там было много моих школьных подруг. Вечно молодыми красавицами остались они в памяти. Там покоится моя мама Рахиль – ей было 42 года; ее сестра, моя дорогая тетя Вера Любман, фельдшерница районной больницы – мы жили одной семьей; моя младшая сестра Фанечка, шестнадцатилетняя

школьница, и маленький братик Женя – еще младенец. Он, вероятно, был на руках у мамы, и мне представляется, что, обессиленная, она выпустила его из рук, и он упал в эту яму, в это кровавое месиво. Я знаю, так было – земля над расстрелянными еще долго колыхалась.

Не знаю, в какой яме нашла свой последний покой друг нашей семьи – Анна Израилевна Татарская, заведующая районной больницей. Она была превосходным хирургом, получила до революции образование в Европе, делала самые сложные операции и пользовалась общим почетом. Незадолго до прихода в Горки немцев она с мужем, врачом Григорием Герасимовичем Татарским, вывезла из города эвакуи-

Злата Блуменау (Иоффе) с сыном Вениамином у памятника в Горках. Около 1980 года

рованных больных, но немецкое наступление обогнало их. После сильной бомбардировки под Рославлем они потеряли друг друга, Татарский вернулся в Горки и скоро разделил участь всех евреев города.

(Из очерка В. Лившица «Шло в бессмертье горецкое гетто...»: «Одним из видов пассивного противостояния было самоубийство, который совершил Григорий Татарский. Он до войны работал врачом в Горецкой городской поликлинике. Занятый эвакуацией раненых и больных, сам не успел выехать из Горок. Когда еврейское население было согнано в гетто, лечил там людей. За день до расстрела вскрыл себе вены и умер». – Г.И.)

Памятная доска на мемориале в Горках

Анна Израилевна Татарская

По-другому сложилась судьба Анны Израилевны. Под вымышленным именем она стала работать в небольшом госпитале, открывшемся в городе Борисове, в 150 километрах западнее Горок. Организовал этот госпиталь подпольный райком партии специально для помощи раненым офицерам и красноармейцам, не сумевшим уйти от немцев. Они лечились в госпитале под видом мирных жителей.

Секрет госпиталя был раскрыт, но об этом узнали подпольщики, и 12 ноября 1941 года за Анной Израилевной приехала подвода из партизанского отряда. В подводе была тяжело раненная партизанка. Решение было однозначным: сначала прооперировать больную. Операция была в разгаре, когда госпиталь окружили полиция. Через несколько дней подпольщики узнали, что Анна Израилевна погибла в застенках гестапо. До нее не дошла скорбная весть, что в конце октября под Ленинградом погиб ее сын, а мой школьный товарищ Гера Татарский...

Из нашей семьи в живых, кроме меня, остались отец, старшие брат и сестра. Отца, Исаака-Арона Хацкелевича Иоффе, работавшего начальником участка в леспромхозе, уже в июле 1941 года призвали в армию, хотя ему было 46 лет. Он попал в части военно-полевого строительства, десять мучительных дней в октябре 1941 года выбирался из окружения, потом восстанавливал и строил мосты, вернулся с войны с медалями, среди которых были «За оборону Сталинграда» и «За оборону Кавказа».

Мы, трое его старших детей, учились в Ленинграде, покинув по окончании средней школы родной дом один за другим с интервалом в один год.

Старший – Борис – был талантлив с детства. Первенствуя среди школьников нашего поколения, он рано нашел свое призвание в литературной работе. В газетах «Пионерская правда» и «Пионер Беларуси» часто появлялись его статьи, рассказы, фельетоны на школьные темы. Как лучший детский корреспондент он открыл Всебелорусский слет деткоргов в 1935 году. В июне 1941 года Борис вместе с однокурсниками с русского отделения филфака ЛГУ строил оборонительные укрепления, потом с другими отличниками по специальному разрешению сдал государственные экзамены после четвертого курса – и тоже с отличием. По распределению его направили в Новосибирский отдел народного образования, но в это время уже началась блокада, и Борис пошел работать на оборонный завод.

В одном из своих писем ко мне в ноябре 1941 года он писал: «Ленинград три месяца сдерживает полчища фашистов. Они могут выиграть сто сражений, но войну все равно проиграют. Хорошо было бы остаться в живых и быть свидетелем победы».

2 февраля 1942 года в группе выпускников университета Борис был эвакуирован по «Дороге жизни». Около двух месяцев он лечился от тяжелой дистрофии в деревне Большой Двор в Вологодской области, после чего добровольцем ушел в Красную Армию, закончил ускоренный курс Свердловского пехотного училища и с марта 1943 года после нескольких рапортов с просьбой отправить на фронт стал командиром минометного взвода 1105-го стрелкового

полка 328-й стрелковой дивизии. Со своим полком Борис участвовал в освобождении Северного Кавказа, Левобережной Украины, Киева, Житомирщины.

Командир роты П.И. Жайворонок вспоминал: «Борис получил назначение и прибыл в мою роту в период боев за станцию Крымск Краснодарского края. Солдаты с первых дней полюбили его не только за честность и мужество, но и за интересные рассказы, беседы в периоды затишья».

Минометные расчеты полка были уничтожены в неравном кровопролитном бою за город Радомышль в декабре 1943 года. Борис покоится в братской могиле на кладбище этого города.

(Из воспоминаний однополчан: «15 декабря 1943 года под городом Радомышль Житомирской области фашисты пошли в контрнаступление. На батальон, в котором служил Борис, было брошено более 40 танков. Воины героически сражались с фашистами. Большая часть личного состава в этом бою погибла. В живых осталось всего 7 человек. В этом бою, защищая Родину, погиб и Борис Иоффе». – Г.И.)

Моя сестра Злата училась в Ленинграде на химическом факультете университета и в начальный период блокады вместе с другими студентами изготавливала противотанковые бутылки с зажигательной смесью под руководством и по методике профессора университета Брауна, работала подсобницей на заводе «Севкабель». Вместе с Борисом эвакуировалась по «Дороге жизни», вместе с ним лечилась от дистрофии в деревне Большой Двор, вместе с ним добровольно пошла в Красную Армию. Получила направление на Дальний Восток в 119-й батальон аэродромного обслуживания 98-го района авиабазирования, где вплоть до победы над Японией служила наблюдателем метеослужбы.

Я к началу войны закончил два курса электромеханического факультета Ленинградского политехнического института. Всю нашу студенческую группу направили на Карельский перешеек копать противотанковые рвы. В июле 1941 года я пришел в Выборгский райвоенкомат Ленинграда и потребовал отправить меня на фронт. Так я стал курсантом артиллерийско-технического училища, располагавшегося на Литейном проспекте. В конце августа нас, курсантов, вывели в Таврический сад прощаться с родными, затем училище в спешном порядке эвакуировалось на Урал, в Ижевск.

Из нас, вчерашних студентов ленинградских вузов, готовили начальников артиллерийского снабжения отдельных частей, ответственных за учет, снабжение, ремонт и хранение стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов.

В феврале 1943 года в районе Сталинграда я наконец-то попал на передовую. Наша 17-я отдельная лыжная бригада формировалась в конце 1942 – начале 1943 года в Челябинске, в здании цирка, и я помню, как на его арене я проводил занятия по устройству 45-миллиметровой противотанковой пушки. Не забыть мне Челябинска и потому, что во время командировки оттуда в Свердловск мне удалось повидаться с Борисом в его пехотном училище. Мы надеялись на встречу после Победы... О судьбе мамы и родных в Горках мы ничего еще не знали.

Когда наша лыжная бригада переправлялась в Сталинград через Волгу, навстречу нам двигались одна за другой повозки с пленными немецкими генералами, за ними – большие колонны немецких солдат. Стояла ранняя дружная весна, нам пришлось сдать лыжи и волокуши. Мы составили пополнение 4-го

Гвардейского сталинградского механизированного корпуса, где я стал начальником артснабжения 1828-го тяжелого самоходного артиллерийского полка. С этим полком, с его самоходками СУ-122, на Южном и 4-м Украинском фронтах прошел я от Ростова через южный Донбасс и Запорожье – до Кривого Рога.

В апреле 1944 года наш полк вывели на переформирование под Москву. Помню, как там, в Наро-Фоминске, мы, мальчишки в светло-зеленых шинелях образца 1944 года, стеснялись зайти в парикмахерскую, робели разговаривать с девушками – до того одичали от долгой жизни в окопах, щелях и землянках.

Скоро экипажи полка получили новые боевые машины ИСУ-152, и с июня 1944 года – снова фронт, но уже 1-й Белорусский. В составе своего самоходного артполка, переименованного в 341-й Гвардейский, я участвовал в Белорусской операции (в составе 48-й армии в направлении Рогачев – Бобруйск – Белосток – Остров-Мазовецка – река Нерев), в Висло-Одерской операции (в составе 2-й Гвардейской танковой армии в направлении Варшава – Лодзь – немецкая Померания) и в Берлинской операции (2-я Гвардейская танковая армия: Берлин, Шпандау, Потсдам).

Судьбе было угодно, чтобы я остался живым и невредимым, хотя смерть ходила рядом: во время непрерывных разъездов с передовой в тыл и обратно случалось перемахивать на еще не освобожденную от немцев территорию, попадать под плотный огонь или бомбардировку, а то и под прицел вражеских снайперов.

Помню, как севернее Мелитополя в полной темноте мы въехали в занятую немцами деревню и глядели из хаты, силуэт которой приняла за нашу самоходку, как в нескольких метрах от нас проходят танки с крестами на броне, в то время как раненый немец с пола просил пристрелить его – а рука не поднималась; помню, как уже в Германии, наступая на Берлин, мы с «зеленым» водителем попали в зону минометного обстрела, и я под минами заводил заглухший мотор ЗИС-5, и если бы не оказавшийся поблизости танк Т-34, кто знает, писал ли бы я эти воспоминания...

Я был не единственным евреем в полку. Навсегда запомнилась мне страшная судьба Наума Зака, начальника службы ГСМ. Однажды, когда мы вели бои за Ростов, он, узнав о гибели всей своей семьи, лишился рассудка. Помню, как его увозила санитарная машина.

Помню отважного минчанина, командующего артиллерией 2-й Гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта Григория Давидовича Пласкова. Вот он мчится по своему обыкновению на «виллисе» впереди боевых машин на участке прорыва, светится седой локон в густой черной шевелюре...

Когда в ночь с 8 на 9 мая 1945 года я узнал о конце войны, то вернулся на ремонтной машине-«летучке» из леса западнее Потсдама, где стоял наш полк, в Берлин. Там по улицам, на которых еще неделю назад мы вели бои, добрался до разрушенного Рейхстага и по примеру других нацарапал осколком камня на его стене свое имя.

Прошли десятилетия. Мы, оставшиеся в живых, некогда юные участники войны, стали старшим поколением. Но что в нашей жизни может сравниться с той военной порой? Глубоко-глубоко в наших сердцах живы все наши сверстники – герои и невинные жертвы войны. Умрут они вместе с нами. И только тогда для нас кончится война.

Их война закончилась: в 2014 году (ей было 94 года) умерла сестра дяди Хацы – тетя Злата. Самым старшим в нашем роду стал Борис Петушков, сын Михаила Иоффе, погибшего на Синявинских болотах в 1943 году, в дни прорыва блокады Ленинграда. В 2017 году Борис отметил свое 85-летие.

Остается память, которую мы, рожденные после войны, должны передать своим детям, внукам, правнукам. Регина, дочь дяди Хацы, хранит письма своего отца. Фрагменты из них выбрала и опубликовала в Интернете ее дочь Катя:

«27 апреля 1942 г. Ижевск

“Через несколько месяцев я буду на фронте на должности начальника боевого питания полка, буду подчиняться только непосредственно командиру полка... Я рад, что в конце концов буду на фронте... Я знаю, что моя мама, тетя и сестра, если не погибли уже в фашистском плену, то мучаются в каком-нибудь конц. лагере и в душе довольны тем, что, быть может, папа, я, брат сражаемся с немцами. Они на себе испытали немецкую адскую военную машину, и я уверен, что они теперь не опасаются, как бы я, скажем, не попал на фронт, а наоборот в душе хотят, чтобы я, Борис, папа били немцев. Это так, и потому тем более мне хочется принять непосредственное участие в войне...”

Моему дедушке 19 лет. Он еще не знает, что его мама, тетя, сестра-школьница и полуторагодовалый брат погибли уже в 1941-м от рук фашистов в оккупированной Белоруссии. Старший брат погибнет позже в боях за Украину.

5 ноября 1944 г. Польша

“Я уже на новом месте. Передо мною сердце Польши, которую мы освобождаем... Я имел еще одну возможность уехать в академию в Москву, но не захотел, ибо хочу участвовать до конца в разгроме проклятого врага, хочу побывать на его земле и отомстить, пусть из-за угла, за все... Простите за небрежность письма, в землянке очень скупой свет, к тому теперь ночь, весь день много работы”.

1 сентября 1945 г. Бранденбург, Германия

“Почти все свободное время уделяю радио, слушаю чудесные концерты, чаще всего слушаю Москву. Вчера транслировали Пиковую Даму из Большого театра. Несколько дней тому назад внимательно слушал арию Дубровского. Эту чудесную арию почему-то редко передают. Когда я был в 1940 году дома, зимой,

мама со мной сидела возле лежанки, я держал на руках Женьку, и она пела арию Дубровского: ‘Ах вот они, священные могилы, где дом и память светлых детских лет’. И теперь, когда я слушаю эту арию, я очень волнуюсь...”

Он отомстил. Он дошел и стоял на руинах Рейхстага. Он вернулся, он с отличием закончил академию и прожил жизнь невероятно порядочно, скромно и честно.

Я ПОМНЮ. Я ГОРЖУСЬ».

Да, он отомстил. Но нашлись подонки, которые отомстили ему. Не знаю, за что: за взятие Берлина, за то, что еврей, или просто потому, что у него был кошелек? 27 января 2002 года, в день снятия блокады, он шел с почты, вошел в свой подъезд и получил удар по голове. От этого удара он не оправился и умер в госпитале через три месяца, 30 апреля. Вместе с папой, мамой и Геной мы были на его похоронах.

О них вспоминает Регина: «О папе я многое узнала на его похоронах, мы хоронили его с воинскими почестями, с салютом, караулом. И там я в полной мере услышала, скольким людям он за свою жизнь помогал. Во всем, вплоть до хлопот по получению жилья. Главное, что я узнала, – что после войны отец служил в военной радиоразведке, об этом не знала даже мама».

Все в жизни повторяется. И смешное, и ужасное. Через шесть лет, 30 сентября 2008 года, в день Любиных именин, заходя в лифт с букетом белых роз, я получил сзади удар от «человека», которого даже не успел заметить. Чудом – не смертельный: хирург Андрей Борисович Александров, за две операции, собрал нижнюю челюсть и височную кость. Отпущенное мне время в тот день не остановилось. Может быть, и потому, что кто-то должен был написать эту книгу.